

УДК 343.98

**ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

© 2013 г.

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

urik@unn.ru

Поступила в редакцию 10.01.2013

Рассматривается теория речевых актов, а также возможности использования теории речевых актов в судебной лингвистической экспертизе, даются необходимые рекомендации по эффективному использованию ее в сфере судопроизводства.

Ключевые слова: теория речевых актов, лингвистическая экспертиза, речевые акты деликта.

Одним из важнейших требований, предъявляемых в теории и практике судопроизводства к лингвистическому экспертному заключению, является *научная обоснованность*, которая «предполагает научную, логическую и методическую грамотность проведенного исследования и изложения его результатов» [1, с. 34]. Научная обоснованность, в свою очередь, во многом определяется адекватностью использованных методов и методик, базирующихся на определенных теоретических положениях лингвистической науки. Часто именно «правильный» выбор лингвистической теории в качестве методологической основы исследования дает желаемый результат.

Так, в числе самых востребованных категорий запросов на проведение лингвистической экспертизы находятся запросы по поводу защиты чести и достоинства клиента, включающие квалификацию таких понятий, как «негативные сведения», «оскорбление», «негативная оценка», «формирование негативного образа»; по поводу наличия словесно выраженных признаков экстремистской деятельности, включающие квалификацию таких понятий, как «возбуждение вражды или ненависти» или «призыв к насильственным действиям»; по поводу формы выражения какой-либо информации – «утверждение», «мнение», «оценочное суждение».

Все вышеуказанные проблемы, при всем их смысловом различии, объединяет, на наш взгляд, только один признак: во всех этих случаях лингвист на самом деле анализирует не семантику употребленных слов и выражений, он анализирует **действия, совершенные с помощью слов**. Действительно, такие понятия, как «обида», «оскорбление», «негативная характеристика», «возбуждение вражды или ненависти», «призыв к насильственным действиям», «утверждение», «мнение», «оценочное сужде-

ние» – все это разнообразные *словесные действия*. Ведь именно **действия**, а не слова, какими бы они ни были, подлежат юрисдикции суда.

Раздел науки о языке, который как раз и рассматривает деятельностьную сторону языка, называется **лингвистическая прагматика**, теоретической основой которой выступает **теория речевых актов**. На важность использования данных лингвистической прагматики и теории речевых актов в лингвистической экспертизе указывает и А.Н. Баранов: «Не менее существенна для экспертизы текста **лингвистическая прагматика**. В особенности **теория речевых актов**, определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв» [2, с. 18–19].

Создателем теории речевых актов (speech act theory) считается английский философ-аналитик и логик Дж. Остин, изложивший основные идеи теории речевых актов в курсе лекций в Гарварде в 1955 году, которые затем были опубликованы в книге «How to do things with words?» (в русском переводе книга не совсем точно называется «Слово как действие») в 1962 г. [3, с. 22–129]. Впоследствии эти идеи были развиты американским философом и логиком Дж.Р. Серлем в работе «Что такое речевой акт?» [4, с. 151–169].

Основная мысль Дж. Остина проста: когда человек произносит какое-то высказывание в условиях реального речевого взаимодействия, на самом деле он совершает некое действие посредством произнесения данного высказывания, такое, как вопрос, просьба, приказание, объяснение, негодование, извинение и пр. Это и есть «речевой акт» – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми

в данном обществе. Как пишет Дж.Р. Серль, «совершение иллокутивного акта относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами»: «Я постараюсь показать, что такие действия, как задавание вопросов или высказывание утверждений, регулируются правилами точно так же, как подчиняются правилам, например, базовый удар в бейсболе или ход конем в шахматах» [4, с. 151–152].

Сама структура речевого акта в основных чертах воспроизводит модель обычного, неречевого действия: в ней присутствует намерение, цель и производимый эффект (результат). Есть области, в которых вся совокупность действий сводится к речи. Это политика и дипломатия, управление и юриспруденция, дело- и судопроизводство. И тем и другим свойственны намерения, мотивы, цели – явные и скрытые, побочные эффекты, результаты – прямые и косвенные, следствия, оценки – утилитарные и этические. Человек несет ответственность как за речевые, так и за неречевые действия, если они нарушают принятые нормы поведения.

Согласно Дж.Р. Серлю, речевые акты характеризуются *иллокутивной силой* – тем коммуникативным намерением, которое лежит в основе произнесения того или иного высказывания. Иллокутивная сила – это главная составляющая любого речевого акта, поэтому иногда все речевые акты именуют иллокутивными. Характер иллокутивной силы лежит в основе базовой *классификации речевых актов* Дж.Р. Серля, предложенной им уже в другой его работе [5, с. 170–194].

Все множество речевых актов делится на пять основных классов:

1) *репрезентативы* – имеют цель отразить положение дел в мире: это сообщение, утверждение, мнение, прогнозирование, признание, описание и пр.;

2) *директивы* – имеют цель побудить адресата делать / не делать что-либо: это просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и пр.;

3) *комиссивы* – имеют цель связать себя обязательством делать / не делать что-либо: это обещание, клятва, гарантирование;

4) *экспрессивы* – имеют цель выразить определенное психологическое состояние говорящего (чувство благодарности, сожаления, радости и т.п.);

5) *декларации* – объявляя (декларируя) некоторое положение дел существующим, речевой акт декларации тем самым и делает его существующим в реальном мире: это назначение на пост, объявление войны или перемирия, отлучение от церкви, посвящение в рыцари, прием в партию, присвоение звания человеку или имени учреждению и т.п.

Впоследствии классификация Дж.Р. Серля была расширена и дополнена, в частности были классифицированы речевые акты *искренние* и *неискренние* (в том числе манипулятивные), выявлены речевые акты *деликта* – речевой агрессии.

Кроме этого, еще в одной работе Дж.Р. Серль провел важное разграничение между *прямыми* и *косвенными речевыми актами*: под косвенным речевым актом понимается такой речевой акт, в котом эксплицитована, т.е. словесно выражена, одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая. Например, речевой акт вопроса *Не могли бы вы передать мне соль?* в ситуации обеда интерпретируется не как вопрос, а как вежливая просьба [6, с. 195–222].

Именно использование теории речевых актов в лингвистической экспертизе позволяет достоверно квалифицировать определенные высказывания, содержащиеся в анализируемом тексте, как действия с помощью слов, подлежащие впоследствии, в процессе судопроизводства, правовой оценке.

Так, например, теория речевых актов позволяет непротиворечиво и обоснованно выявить признаки речевого акта **призыва** как разновидности класса побудительных речевых актов – *директивов* (в другой терминологии – *императивов*) и отграничить призыв от других разновидностей директивов.

Призыв – это речевой акт, относящийся к группе **сильных императивов**. А.Н. Баранов отмечает: «Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [2, с. 415–420]. В отличие от обычных побуждений, «эталонный» призыв «не требует немедленного выполнения и скорее является рекомендацией к поведению, основанной на тех или иных морально-этических, идеологических, ценностных категориях» [2, с. 421]. На основании пропозитивных показателей и условий успешности проф. А.Н. Баранов подробно классифицировал призывы: *призыв-лозунг*, *призыв-апелляцию*, *призыв-обращение* и *призыв-воззвание* [2, с. 422–432].

Грамматические показатели призывов: 1) эксплицитные перформативные формулы, 2) императивы всех трех лиц, 3) побудительные междометия («*Долой Ельцина!*»), 4) транспозиция на-

клонений («*Даешь прямой эфир!*»), 5) номинализации и близкие к ним формы («*Никакой поддержки Временному правительству!*», «*Родина или смерть!*»). Эти языковые показатели маркируют **явные призывы**. Также отмечаются и косвенные (скрытые) призывы, с формами выражения, как модальные предикаты с семантикой долженствования (*необходимо, нужно, требуется, следует*) и нек. др. **Скрытый призыв** – это информация, подстрекающая к каким-либо действиям, направленно формирующая у адресата желание действовать или чувство необходимости действий; но императивные формы отсутствуют [7, с. 58–59].

Теория речевых актов также позволяет выявлять речевые акты **деликта** («языка вражды»), т.е. речевой агрессии. С точки зрения теории речевых актов, высказывания, направленные на возбуждение вражды или ненависти к кому-либо, следует трактовать как речевые акты (речевые действия), вызывающие, порождающие в адресате чувство сильного неприятия кого-либо/чего-либо или состояние сильной враждебности по отношению к кому-либо/чему-либо. Подобные высказывания рассматриваются как речевой акт *деликта* (лат. *delictum* – «поведение против закона») – «нарушение поведенческих норм; поведение, которое (по конвенции в данной среде) считается предосудительным», синонимами которого в разных ситуациях выступают такие понятия, как промашка, проступок, провинность, прегрешение, преступление, грех, вина. Разновидностями акта деликта выступают речевые акты порицания, упрека, обвинения, угрозы, оскорбления, унижения человека или какой-либо группы людей по тому или иному признаку (возрастному, половому, расовому, национальному и пр.) [8].

Эти высказывания могут иметь оскорбительный, уничижительный характер, то есть быть направленными на унижение достоинства адресата или объекта, если имеют присущее подобным речевым актам словесное наполнение, а именно – слова и выражения, относящиеся к *инвективной лексике* (лексика, предназначенная для оскорбления адресата или группы лиц по какому-либо признаку). Это – речевые акты **оценочной** (а именно – **негативно-оценочной**) **квалификации** (кваликативы). Кваликатив, или акт оценочной квалификации, отличается от обычного сообщения в том, что в этом типе речевых актов коммуникативным намерением говорящего является не просто нейтральное сообщение об имеющем место факте / событии, но выражение своего отношения к участникам данного события, объектам квалификации, или к самому событию в целом.

Сложный кваликатив заключается в сообщении о событии, участником которого является объект квалификации.

Речевые акты негативно-оценочной квалификации с точки зрения их словесного наполнения обычно выражаются: 1) с помощью негативной оценочной лексики, в т.ч. сильной экспрессивности и даже грубости; 2) с помощью нейтральной лексики, содержащей сообщение о негативных фактах или действиях тех, о ком идет речь в сообщении.

Также теория речевых актов способствует разграничению речевых актов **утверждений и мнений** и, в свою очередь, выделению в составе последних **оценочного суждения**. Все указанные речевые акты относятся к группе *репрезентативов* (в другой терминологии – *констатитивов*), имеют общее коммуникативное намерение – сообщение о факте / событии, но различаются степенью выражения иллюкутивной силы и типом интенционального (т.е. психологического) состояния говорящего.

Так, **утверждение** рассматривается как речевой акт, обладающий двумя признаками: 1) содержит информацию о некотором действительно имеющем место событии / факте – это то, что объединяет акт утверждения и акт обычного сообщения; 2) говорящий утверждает истинность данного события или факта с целью убедить в этом адресата – это то, что делает акт утверждения более «сильным» по своему воздействию на адресата, чем простое сообщение. Акт утверждения соответствует определенному интенциональному (психологическому) состоянию говорящего – состоянию **знания**, тогда как акт сообщения соответствует обычно состоянию **мнения** или нейтрален по отношению к противопоставлению «знание – мнение».

Мнение – сообщение, соответствующее особому интенциональному состоянию говорящего с тем же названием – «мнение» (задается невербализованной, т.е. предполагаемой установкой «Я думаю, считаю, полагаю, что...»), в отличие от **знания**, соответствующего установке «Я знаю, уверен, не сомневаюсь, что...»): «Знание есть утверждение истинности суждения. Модальная рамка – ‘Я располагаю некоторыми сведениями и уверен в их истинности’». Мнение есть вероятностная оценка суждения. Модальная рамка – ‘Я располагаю некоторыми сведениями и предполагаю их истинность’». Есть два типа мнения: **мнение-предположение** (то, что можно узнать, проверить, верифицировать) – или просто ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, и **мнение-оценка**, или просто МНЕНИЕ, которое отражает субъективную точку зрения, не подлежащую про-

верке или верификации, потому что ориентируется на систему ценностей, вкусовые предпочтения и т.п. [9, с. 190].

Именно *мнение-оценка* получило в практике экспертной деятельности лингвистов несколько нетерминологичное наименование **субъективного оценочного суждения**, признаком которого является выражение оценки, не подкрепленной верификацией, т.е. логически рациональными доводами (говорящий не мотивирует свою точку зрения, не пытается убедить в ней адресата с помощью аргументации, каких-либо логических доказательств). При этом широко используются языковые средства выражения оценочности и экспрессии.

Интересной и перспективной возможностью применения теории речевых актов можно считать опирающееся на нее разграничение **искренних и неискренних речевых актов**, в частности речевых актов *искреннего заблуждения* и *недобросовестного информирования* (попросту говоря, обмана). Для этого применяется методологический критерий соблюдения определенных **условий успешности речевых актов**, – по Дж.Р. Серлю, имплицитных правил, которые должны быть соблюдены для эффективного осуществления речевого акта. Дж.Р. Серль выделяет 4 группы таких условий: (1) *условия пропозиционального содержания*, (2) *подготовительные, или предварительные, условия*, (3) *существенные условия, или условия назначения*, (4) *условия искренности*. Условия первого типа суть ограничения на пропозициональное содержание используемого высказывания. Подготовительные условия отражают объективные и субъективные предпосылки, совместимые с продвижением данной иллокутивной цели, т.е. обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу. Существенное условие соответствует иллокутивной цели — цели, которую говорящий стремится донести до сознания слушающего при помощи своего высказывания. Условия искренности отражают внутреннее (психологическое) состояние, которое может быть приписано говорящему, исходя из предположения об искренности и серьезности данного речевого акта [4].

Так, можно утверждать, что речевые акты *искреннего заблуждения* и *недобросовестного информирования* совпадают по трем из четырех условий успешности, а отличаются только по одному – **условию искренности**, которое в последнем случае сознательно нарушается. В от-

личие от условий первых трех классов, нарушение говорящим условий искренности обычно происходит незаметно для адресата и поэтому непосредственно не влечет за собой коммуникативного провала, хотя поддельность, фальшивость данного речевого акта может быть разоблачена в дальнейшем. Именно поэтому нарушения этого условия сознательно эксплуатируются говорящими для реализации разных типов манипулятивной коммуникации и неискреннего, некооперативного речевого взаимодействия.

Мы перечислили только некоторые из богатых возможностей успешного применения достижений современной теории речевых актов в лингвистической экспертизе. На самом деле перспективы ее применения достаточно велики и в других, не затронутых в данной статье сферах, например в анализе недобросовестной рекламы и других типов манипулятивного дискурса, в выявлении пропагандистской направленности тех или иных текстов, в автороведческой экспертизе и т.д.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 592 с.
3. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
4. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170–194.
6. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. С. 195–222.
7. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 311 с.
8. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
9. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур: А. Кошелев, 2006. 671 с.

**APPLICATION OF THE THEORY OF SPEECH ACTS IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION.
OPPORTUNITIES AND PROSPECTS**

T.B. Radbil, V.A. Yumatov

In this paper, we consider the theory of speech acts and the possibility of using this theory in forensic linguistic examination. Appropriate recommendations are made for the effective use of the theory in legal proceedings.

Keywords: theory of speech acts, forensic linguistic examination, speech acts of tort.